

Научная статья

УДК 159.922

<https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.3>

Особенности жизненного мира юношей и девушек разных возрастных периодов

Светлана В. Яремчук^{1✉}, Анна В. Бакина², Снежана М. Ситяева³

^{1, 2, 3} Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация

¹ svj@rambler.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-1036-6826>

² bakina_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6772-3743>

³ snejana-reg27@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9412-5215>

Аннотация

Введение. Переход от юности к молодости является важным этапом в развитии личности, в котором изменяется восприятие окружающей действительности и жизненного мира. Но эмпирических исследований, посвященных данной проблеме, очень мало. Новизна данного исследования заключается в изучении жизненного мира юношей и девушек разных возрастных групп. В основу исследования положена концепция Ф. Е. Василюка, который выделяет внешний и внутренний аспекты жизненного мира и их основные характеристики: легкость/трудность внешнего мира; простота/сложность внутреннего.

Методы. Использована методика графического представления жизненного психологического пространства Г. В. Шуковой для оценки многосоставности мира как критерия его простоты/сложности. Для оценки легкости/трудности жизненного мира были использованы три методики: 1) модифицированная методика А. Б. Купрейченко для оценки субъективной удаленности предметов потребности; 2) методика Е. Б. Фанталовой «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» для определения субъективной трудности достижения значимых объектов; и 3) методика оценки глобальной удовлетворенности жизнью и субъективного уровня счастья для общей оценки субъективной трудности мира.

Результаты. Результаты исследования показали, что у юношей и девушек в 16–17 лет жизненные миры являются сходными как по критерию простоты/сложности их внутреннего мира, так и по показателям легкости/трудности внешнего. В возрасте 18–22 года девушки имеют более сложный и дифференцированный внутренний мир, чем юноши, у которых пространство жизненного мира к этому возрасту упрощается. Различия в этом возрасте также проявляются в том, что девушки менее удовлетворены жизнью и счастливы, что связано с увеличением для них субъективной трудности их жизненного мира.

Обсуждение результатов. Обсуждается кризисный характер перестройки жизненного мира, происходящей у юношей и девушек с привлечением различных способов преобразования субъективной реальности.

Ключевые слова

жизненный мир, простота/сложность внутреннего мира, легкость/трудность внешнего мира, юноши, девушки, ранняя молодость, юность, близость социальных групп, субъективное благополучие, значимые объекты

Основные положения

- ▶ жизненные миры юношей и девушек, практически не различаясь в 16–17 лет, в возрасте 18–22 лет приобретают значимые различия, как в переживании его легкости/трудности, так и простоты/сложности;
- ▶ отличия жизненного мира девушек 16–17-ти и 18–22 лет выражаются в восприятии мира как более трудного в более старшем возрасте;
- ▶ для юношей 18–22 лет характерен более простой внутренний мир, чем для юношей 16–17 лет.

Для цитирования

Яремчук, С. В., Бакина, А. В. и Ситяева, С. М. (2021). Особенности жизненного мира юношей и девушек разных возрастных периодов. *Российский психологический журнал*, 18(1), 34–46. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.3>

Введение

Социальные и экономические изменения постиндустриального мира характеризуются как ситуация неопределенности: отсутствуют четкие ценностно-смысловые ориентиры; коллективистский тип сознания вытесняется индивидуалистическим и утилитарным; разрушаются традиционные формы социализации и межпоколенческой преемственности, быстрое распространение информации через системы сети Интернет и др. Скорость и масштабы трансформационных изменений современного общества требуют от личности достаточно развитых способностей в области социальной адаптации. Это означает качественно иной способ самоорганизации и саморегуляции личности в современном обществе, позволяющий ей согласовывать внешние и внутренние условия осуществления деятельности во времени, координировать все психические состояния, свойства, способности, возможности и ограничения (А. В. Брушлинский, Д. А. Леонтьев, Е. А. Сергиенко).

Особый интерес в этом контексте имеют периоды перехода от одной возрастной стадии к другой, которые являются кризисами, сопровождающимися перестройкой и преобразованием психики человека. В психологии традиционным является изучение в кризисный период изменений психических процессов, самосознания, системы отношений личности с миром, исследование задач, которые решает человек в каждом из возрастных периодов. При этом преимущественное внимание исследователей фокусируется на времени от рождения до подростничества, хотя переход от юности к молодости, являющийся в современном мире началом автономной жизни, отдельной от родителей, получения профессии, становится важной точкой, в которой изменяется восприятие человеком окружающей действительности, составляющей его жизненный мир. Ряд исследователей отмечают недостаточную разработанность проблемы становления личности в период молодости (Н. Р. Битянова, В. А. Непомнящая).

По мнению большинства психологов (Л. И. Божович, А. В. Петровский, И. С. Кон, Е. И. Исаев, В. И. Слободчиков, E. Erikson, G. Craig, G. Marcia, J. Cote и др.), именно в этот период решаются

задачи профессионального развития, жизненного самоопределения, связанного с ценностями, планированием будущего, обретением идеала, поиском смысла собственного существования, реализуются возможности саморазвития, самоактуализации. При этом перед молодыми мужчинами и женщинами общество ставит несколько отличающиеся задачи: профессиональное развитие для мужчин и создание семьи, рождение детей, наряду с профессиональным становлением и освоением знаний, – для женщин (Солдатова, 2007).

Переход от юности к молодости является периодом активного строительства жизненного мира личности, преобразований, которые могут иметь как конструктивный, так и деструктивный характер, что делает необходимым понимание происходящих процессов для профилактики возможных негативных тенденций и поддержки молодежи в этот возрастной период.

Вместе с тем обращение к категории жизненного мира в психологии – довольно новое явление, связанное со смещением фокуса психологических исследований в область изучения «самодетерминации» и «миропреобразовательной активности» индивида (В. А. Беляев, В. А. Барабанщиков, А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко, Т. В. Левкова и др.). Эта тенденция обнаруживается как в отечественной, так и в зарубежной психологии, где авторы обозначают необходимость использования феноменологического подхода в исследованиях психологической направленности. Так, Bengtsson (2013) считает, что подход, который основан на феноменологии жизненного мира, необходим в эмпирических исследованиях в сфере образования. Gorichanaz, Latham, & Wood (2018) подчеркивают значимость изучения жизненного мира как единицы анализа в исследовании информационного поведения человека.

При этом Siriwardane-de Zoysa & Hornidge (2016) отмечают, что понятие «жизненный мир» (lifeworld) является многозначным, и не существует его единственного определения. Kraus (2015) подчеркивает, что в исследовательских работах происходит путаница понятий: жизненный мир зачастую описывают как внешние условия жизни (life conditions), несмотря на то, что с феноменологической точки зрения жизненный мир необходимо рассматривать как результат субъективного присвоения мира и индивидуального построения реальности человеком, его субъективный взгляд на условия жизни.

С точки зрения Василюка (2003), существенные особенности «жизненного мира человека» сводятся к следующему: мир объективно существует независимо от нас, и мы в нем находимся; мир отличается от среды и не сводится к ней, он целостен, но не единствен; все наши миры, даже внешний мир, который мы называем реальностью, мы сами же конструируем; любая возможность воздействовать на внешний мир основана на наличии внутреннего мира. Иначе говоря, жизненный мир человека выходит за рамки актуального (данной ситуации), он существует в прошлом и в будущем, он может быть желательным или нежелательным. Внутренний мир личности создает для нее точку опоры, основу относительной независимости человека от внешнего мира.

Изучая жизненные миры человека, исследователи фокусируют свое внимание на их типологизации, выделяя разные критерии. Так, Леонтьев (2019) предложил свою типологию жизненных миров, которая основана на трех критериях: соотношение прошлого, настоящего и будущего; соотношение индивида и общества; соотношение сущего, должного и возможного как ценностных ориентиров. Данная типология применима как к отдельному индивиду, так и к социальной группе. Он выделил три жизненных мира, расположив их в социогенетической последовательности: традиционалистский, гедонистический и прогрессистский.

Сапогова (2019) выделяет типы жизненных миров на основе предельных онтологем,

которые использует человек в качестве опорных структур для самоосмысления и построения жизнеописания (автобиографии) – онтологемы судьбы, случайности или свободной воли. Они стимулируют преобладание в самоинтерпретации одного из психических процессов (веры, мышления, интуиции) и задают три возможных рамки для трактовки жизненного пути: «судьба – свершение – вера»; «случайность – происшествие – интуиция»; «свободная воля – поступок – мышление».

Впервые попытка выделить характеристики жизненных миров была предпринята Василюком (1984). По его мнению, «жизненный мир» имеет внешний и внутренний аспекты, обозначенные соответственно как внешний и внутренний мир. Основными характеристиками внешнего мира являются его легкость или трудность. Легкость внешнего аспекта жизненного мира предполагает обеспеченность всех жизненных процессов, а трудность – наличие препятствий их достижению. Если говорить про внутренний мир (понимаемый Ф. Е. Василюком как внутреннее строение жизни, сопряженность и связанность между собой отдельных ее единиц), он может быть простым или сложным, где простота внутреннего мира рассматривается как его односоставность, отсутствие структурированности и сопряженности отдельных моментов жизни.

В своем исследовании мы предположили, что внутренний или внешний жизненный мир человека не является статичным, он претерпевает значительные изменения по мере развития человека, он зависит также от событий, происходящих с конкретным человеком на его жизненном пути. Можно предположить, что внешний мир человека по мере взросления в целом становится более трудным, а внешний по мере психического развития усложняется за счет расширения социального пространства и включения в поле сознания разнообразных объектов.

Внутренне сложный и внешне трудный жизненный мир в концепции Ф. Е. Василюка в качестве базового жизненного принципа предполагает жизненное творчество, активное самостроительство личности, сознательное созидание человеком самого себя, практическое воплощение своих замыслов в условиях сложного существования. При таком типе жизненного мира путь к цели затруднен одновременно внешними препятствиями и внутренними колебаниями, что требует активности волевой саморегуляции. Именно такое направление изменений представляется нам конструктивным в преобразовании жизненного мира. Однако вопрос о том, какие преобразования происходят в жизненном мире при переходе от юности к молодости, остается в психологии открытым.

Специфика жизненного мира молодежи до сих пор является слабоизученным вопросом. Существуют отдельные исследования, посвященные характеристике жизненного пространства молодежи (Арендачук, 2018; Лодкин и Четверикова, 2018; Осипчукова и Попова, 2020; Стефанова и Кругова, 2019) и распространенности разных типов жизненного мира в данной возрастной группе (Грязева-Добшинская и Мальцева, 2016; Меньшикова и Левченко, 2015). Попытка изучения жизненного мира молодежи в динамическом аспекте была предпринята Демидовой (2012). Она выявила, что по мере взросления тип жизненного мира становится более выраженным, происходят изменения инструментальных ценностей в ценностном и творческом типах жизненного мира, стабилизируются гедонистический и реалистический типы.

Вместе с тем отличительные особенности жизненного мира юношей и девушек не были предметом пристального внимания исследователей. Однако мы допускаем, что они имеют свою специфику, которая проявляется особенно интенсивно в кризисные периоды, поскольку известной закономерностью являются различия в реализуемых юношами и девушками стратегиях совладания с трудными жизненными ситуациями.

Так, для юношей, в отличие от девушек, более характерной копинг-стратегией является избегание, что обнаруживается в многочисленных зарубежных исследованиях, которые показывают, что мальчики-подростки чаще используют избегающие стратегии совладания (Roecker, Dubow, & Donaldson, 1996; Hampel & Petermann, 2005; Eschenbeck, Kohlmann, & Lohaus, 2007). В юности эта закономерность сохраняется: так, в исследовании Gentry et al. (2007) выявлено, что юноши чаще используют стратегию избегания, чем девушки.

В то же время Васюра и Коробейникова (2014) обнаружили, что в случае, когда у юношей-студентов возникает сомнение в собственных силах, они склонны к преуменьшению значимости и серьезности происходящих событий, к подавлению эмоций. Юноши не могут находиться долгое время в состоянии напряжения и внутреннего дискомфорта, начинают активно возмущаться и протестовать по отношению к трудностям.

Коломенская, Скляр и Коскина (2015) обнаружили, что юноши чаще имеют высокую самооценку, более уверены в себе и своих силах, чем девушки. Для юношей более характерны жесткость в следовании направленности предназначения, вера в его осуществление. Девушки более не уверены в себе, имеют тенденцию к заниженной самооценке, не верят в свои силы.

Такие особенности совладания, активизирующиеся в кризисный период, могут вести к тому, что перестройка жизненного мира в переходный от юношеского к молодости период будет проходить по-разному у юношей и девушек.

Цель настоящего исследования – изучение простоты/сложности и легкости/трудности жизненного мира юношей и девушек разных возрастных периодов.

Методы

Эмпирическое исследование было проведено в г. Комсомольске-на-Амуре, в нем приняли участие 260 человек в возрасте от 16 до 22 лет (средний возраст 18,6), из них 176 девушек и 84 юноши.

Всех респондентов мы разделили на две группы: в первую вошли старшеклассники 16–17 лет, во вторую – молодежь в возрасте 18–22 лет. В разных странах по-разному определяют возрастные границы молодежи: в большинстве европейских стран, США и Японии это молодые люди в возрасте от 13–14-ти до 29–30 лет; в Англии и Нидерландах молодежь не выделяется в особую группу; в России данная группа включает 14–24-летних молодых людей. В нашем исследовании принимали участие респонденты в возрасте 16–24 лет, что соответствует возрастным границам молодежи, закрепленным в декларации ООН. В пределах указанных возрастных границ, по мнению социологов, существует так называемая возрастная стратификация, т. е. вертикальное возрастное разграничение (Боряз, 1973). В своем исследовании мы опирались на следующую возрастную градацию молодежи: от 13–14-ти до 16–17 лет – старшие школьники (ранняя юность), от 18-ти до 20–25 лет – лица первого молодого гражданского возраста (Павловский, 2001).

В качестве критерия оценки *простоты/сложности внутреннего жизненного мира* нами была взята его многосоставность, измеренная с помощью методики графического представления жизненного психологического пространства Г. В. Шуковой (Шукова, 2014). Респондентам были предложены два круга: «Моя жизнь сейчас» и «Моя жизнь в идеале», которые надо было заполнить кружками, обозначающими то, что испытуемый считает значимым для своей жизни (люди, отношения, процессы, явления и пр.). В работе нами учитывалось число изображенных значимых объектов в образах реальной и идеальной жизни.

Для оценки *легкости/трудности внешнего жизненного мира* были использованы два критерия: 1) субъективная удаленность предметов потребности; 2) субъективная трудность достижения значимых объектов.

Для оценки *субъективной удаленности предметов потребности* использовалась модифицированная методика А. Б. Купрейченко (Журавлев и Купрейченко, 2012), ориентированная на измерение психологической дистанции в социальных контактах. Для 17 социальных групп (от семьи и друзей до населения страны в целом, включая профессиональные и внепрофессиональные области) оценивалась величина «психологической дистанции» между группой и респондентом по пятибалльной шкале: самые близкие (5 баллов); близкие (4); ни близкие, ни далекие (3); далекие (2); самые далекие (1).

Оценка *субъективной трудности достижения значимых объектов* осуществлялась с помощью методики «Уровень соотношения "ценности" и "доступности" в различных жизненных сферах» Фанталовой (2011), позволяющей обнаружить разрыв между значимостью конкретной личностной сферы и ее субъективной доступностью в 12 жизненных областях. При обработке учитывался интегральный (суммарный) показатель рассогласования (общая сумма рассогласования между ценностями и их доступностью).

Помимо этого, в качестве *общей оценки субъективной трудности мира* использовались два показателя субъективного благополучия: оценка глобальной удовлетворенности жизнью и оценка субъективного уровня счастья (Яремчук и Новгородова, 2015), которые являются отражением разрыва между тем, чего человек хочет, и тем, что он имеет (Michalos, 2017) – субъективное благополучие и степень переживания позитивных эмоций уменьшаются, если текущее состояние мира не соответствует желаемому (Carver & Scheier, 1990). Таким образом, снижение субъективного благополучия может интерпретироваться как показатель «трудности» внешнего мира, проблем в реализации потребностей, целей и ценностей человека.

Различия между разными возрастными группами, а также между юношами и девушками рассчитывались по критерию U Манна – Уитни с использованием программы STATISTICA 10.

Результаты

Результаты исследования жизненного пространства у молодежи разных групп представлены в таблице 1.

Таблица 1								
Характеристики жизненных миров девушек и юношей разных возрастов								
Показатели оценки жизненного мира	Девушки				Юноши			
	16– 17 лет	18– 22 года	U	p	16– 17 лет	18– 22 года	U	p
1. Оценка простоты/сложности жизненного мира								
Количество кругов в образе реального мира	5,0	5,4	2832,5	0,470	5,1	4,2	413,5	0,042
Количество кругов в образе идеального мира	5,8	5,5	2725,0	0,275	5,1	4,4	353,0	0,029

Таблица 1

Характеристики жизненных миров девушек и юношей разных возрастов

Показатели оценки жизненного мира	Девушки				Юноши			
	16– 17 лет	18– 22 года	М	р	16– 17 лет	18– 22 года	М	р
2. Оценка легкости/трудности жизненного мира								
2.1. Субъективная близость социальных групп								
Семья	4,4	4,6	3030,5	0,167	4,4	4,6	544,0	0,075
Родители	4,7	4,5	3059,0	0,437	4,6	4,6	670,0	0,846
Дети	2,9	2,4	1152,5	0,302	2,6	2,7	357,0	0,899
Сверстники	2,9	3,0	3347,5	0,981	3,0	3,1	610,5	0,367
Одноклассники (однокурсники)	3,1	3,0	3037,5	0,547	3,1	3,2	538,0	0,368
Друзья	4,1	3,9	2884,0	0,140	4,0	4,0	662,5	0,795
Соотечественники	2,2	2,1	3043,5	0,790	2,2	2,2	636,5	0,894
Горожане/односельчане	2,1	2,2	3057,5	0,304	2,2	2,6	530,0	0,106
Этнос	2,1	2,3	2870,0	0,253	2,4	2,2	594,0	0,412
Единоверцы	2,1	2,3	2608,5	0,182	1,6	2,4	316,0	0,003
Учителя-наставники	2,8	3,0	3073,0	0,325	3,0	2,9	582,0	0,569
Коллеги по работе	2,5	2,4	2072,0	0,850	2,1	2,2	483,0	0,853
Начальство	2,3	2,2	2697,0	0,778	2,4	2,1	546,0	0,320
Успешные люди	2,7	2,5	2933,5	0,224	2,7	2,7	634,5	0,867
Карьеристы	2,6	2,5	3046,0	0,716	2,6	2,6	553,0	0,753
Люди, не утратившие веру в будущее	3,0	2,6	2592,0	0,016	2,9	2,6	480,5	0,236
Люди, живущие «как все»	2,4	2,5	3041,0	0,214	2,2	2,7	445,0	0,033
Люди, делающие свою судьбу сами	3,3	3,1	3017,0	0,242	3,3	3,1	581,0	0,327
Средняя дистанция	2,9	2,9	3104,0	0,345	2,9	3,0	647,0	0,689

Таблица 1

Характеристики жизненных миров девушек и юношей разных возрастов

Показатели оценки жизненного мира	Девушки				Юноши			
	16– 17 лет	18– 22 года	U	p	16– 17 лет	18– 22 года	U	p
2.2. Субъективная трудность достижения значимых объектов								
Общая сумма рассогласования между ценностями и их доступностью	23,5	29,4	2594,0	0,012	24,5	27,0	632,5	0,577
2.3. Оценки субъективного благополучия								
Удовлетворенность своей жизнью в целом	7,4	6,5	2638,5	0,009	7,6	7,6	678,5	0,800
Субъективная оценка счастья	7,5	6,6	2764,5	0,028	7,8	7,9	697,0	0,957
Примечание: полужирным курсивом выделены значимые различия.								

Из таблицы 1 видно, что условия жизни в 16–17 лет воспринимаются молодыми людьми практически одинаково. Не было обнаружено значимых различий в степени дифференцированности восприятия значимых объектов: ни при выстраивании образа реальной жизни, ни при конструировании образа идеальной. Хотя для девушек этого возраста является характерным выделение большего числа значимых объектов в круге идеальной жизни, в то время как у юношей среднее количество объектов в обоих случаях идентично.

Что касается восприятия жизненного мира как простого/трудного, то в двух группах характеристик между юношами и девушками 16–17 лет также не обнаруживается различий: субъективная трудность достижения значимых объектов и оценка субъективного благополучия оцениваются ими одинаково.

Оценка субъективной дистанции до социальных групп также в большинстве случаев не имеет отличий. Существенные различия обнаруживаются в оценке дистанции лишь по отношению к единоверцам: девушки оценивают представителей своей религии как более близких к себе ($U = 1079,5$; значимо для $p = 0,043$).

Таким образом, в 16–17 лет мир, в котором живут юноши и девушки, представляется очень сходным как по критерию простоты/сложности их внутреннего мира, так и по показателям легкости/трудности внешнего. Вместе с тем сравнение разных возрастных групп позволило обнаружить особенности жизненного мира у девушек и юношей.

Простота/сложность жизненного мира девушек 16–17 лет и 18–22 лет не имеет значимых

различий: число значимых объектов в их представлениях о реальной и идеальной жизни различается незначительно. Несмотря на это, видна тенденция к большему согласованию объектов в реальном и идеальном жизненных пространствах: в более старшей возрастной группе у девушек регистрируется большее число значимых объектов, которые они включают в образ своей реальной жизни, и меньшее их количество в образе идеальной.

В специфике восприятия внешнего жизненного мира у девушек обнаруживаются следующие различия. Во-первых, для девушек 18–22 лет достижение значимых объектов является субъективно более трудным ($U = 2594,0$; значимо для $p = 0,012$), что отражается в увеличении суммы рассогласования между значимостью для девушек жизненных ценностей и субъективной оценкой возможностей их реализации в жизни. Во-вторых, для них характерен более низкий уровень субъективного благополучия: как удовлетворенности своей жизнью в целом ($U = 2638,5$; значимо для $p = 0,009$), так и оценки уровня своего счастья ($U = 2764,5$; значимо для $p = 0,028$). В-третьих, по сравнению с девушками 16–17 лет, они более дистанцированы по отношению к людям, не утратившим веру в будущее ($U = 1079,5$; значимо для $p = 0,043$).

Таким образом, обнаружена специфика жизненного мира девушек 16–17-летнего и 18–22-летнего возрастов. Внешний мир девушками 18–22 лет осознается как более трудный для реализации собственных жизненных ценностей, удовлетворения их индивидуальных потребностей, что отражается в более низком уровне переживаемого благополучия, а также дистанцировании от людей, верящих в будущее. При этом их внутренний мир не отличается от жизненного мира 16–17-летних девушек по числу значимых жизненных областей и характеризуется аналогичной сложностью. Позиция девушек в старшей возрастной группе, можно сказать, является более реалистичной и пессимистичной, значимые объекты в их восприятии отодвигаются на большую дистанцию и становятся более труднодостижимыми.

Что касается юношей разных возрастных групп, для их жизненных миров характерны явления, полностью противоположные обнаруженным у девушек. В отличие от девушек, основные различия в жизненном пространстве юношей происходят в направлении упрощения сложности внутреннего мира: у старшей возрастной группы регистрируется меньшее количество значимых для них объектов как в образе реальной ($U = 413,5$; значимо для $p = 0,042$), так и в образе идеальной жизни ($U = 353$; значимо для $p = 0,029$). Внутренний жизненный мир юношей 18–22 лет является более простым, имеющим меньшее число значимых объектов и значимых потребностей.

Внешний жизненный мир при этом практически не имеет особенностей. Возрастные различия в легкости/трудности жизни юношей касаются, прежде всего, дистанции по отношению к социальным группам. У юношей 18–22 лет выявлено сокращение дистанции по отношению к единоверцам ($U = 316$; значимо для $p = 0,003$) и людям, живущим «как все» ($U = 445$; значимо для $p = 0,033$).

Исследование показало, что если в 16–17 лет жизненные миры юношей и девушек по своим характеристикам практически не различались, то в возрасте 18–22 лет их различия касаются как внутренней, так и внешней составляющей жизненного пространства.

Подводя итог, можно сказать, что 18–22-летние девушки отличаются от юношей более сложным и дифференцированным внутренним миром ($U = 980$; значимо для $p = 0,033$), в котором для них выделяется больше значимых объектов, чем для юношей. При этом девушки оказываются существенно менее удовлетворенными жизнью ($U = 1119$; значимо для $p = 0,012$) и менее счастливыми ($U = 1074$; значимо для $p = 0,006$), чем их сверстники-юноши.

Обсуждение результатов

Как указывает Кон (1989), ранняя юность (15–17 лет) – это период формирования жизненных перспектив, которые переживаются как страстное желание что-то начать и непоколебимая уверенность, что всё получится. Иначе говоря, внешний аспект психологического мира развертывается в некоторую пространственно-временную перспективу. Старшеклассники открывают психологическую «протяженность» («там» и «тогда») жизни, что обогащает структуру их психологического мира, которая теперь схватывает ранее недоступное будущее и настоящее. Представление об идеальном будущем в ранней юности особенно расплывчато и нереалистично, т. к. часто не соответствует реальным возможностям человека и условиям его жизни. Но постепенно юношеские мечты, где всё возможно и идеально, как заведомо недостижимые образцы, уступают место более реалистичному образу будущего, ориентированному на реальную действительность.

Рассматриваемый возрастной переход сопряжен с возникновением противоречий между идеалом и реальностью, с отражением объективных трудностей внешнего мира. Слободчиков и Исаев (2000) описывают этот период как «кризис юности», для которого характерны «встреча» идеальных жизненных планов и социальной реальности, вступление в самостоятельную жизнь в обществе, приобретение материальной независимости от родителей. В этом возрасте нередки разочарования в профессиональном и жизненном выборе, несоответствие между ожиданиями и представлениями о профессии и реальностью ее освоения, реальным характером ее протекания.

Оказавшись в ситуации жизненного и возрастного кризиса, юноши и девушки, вместе с тем, демонстрируют разную специфику структурирования жизненного мира. Для девушек, по результатам нашего исследования, характерно осознание трудностей и восприятие мира как трудного, препятствующего реализации их потребностей, что сопряжено с возникновением более пессимистичной внутренней позиции и снижением удовлетворенности жизнью. Юноши, в отличие от девушек, выходят из кризиса путем уменьшения субъективной сложности жизни, уменьшения числа значимых объектов и усиления тенденции «быть как все», частичного отказа от собственной индивидуальности.

Таким образом, отличия жизненного мира девушек в юношестве и ранней молодости касаются только внешнего мира, а юношей – внутреннего. При этом сравнение жизненного мира юношей и девушек в эти возрастные периоды указывает на негативные процессы.

Жизненный мир девушек при сохранении довольно простой структуры становится субъективно более трудным, приближаясь по характеристикам к «внешне трудному и внутренне простому жизненному миру» (по типологии Ф. Е. Василюка). Деятельности в таком мире присуща устремленность к предмету потребности без отвлечений, колебаний, сомнений, поскольку простота внутреннего мира освобождает человека от внутренних ограничений, оставляя фокус на внешних препятствиях.

Что касается юношей, то сравнение их жизненных миров в юности и ранней молодости указывает на более простую структуру жизненного мира в старшем возрасте, их сфокусированность на суженной сфере значимых объектов, что также указывает на внешне трудный и внутренне простой жизненный мир. Эти тенденции дают основание для размышлений о направлении сопровождения этих жизненных периодов как для юношей, так и для девушек, ориентированного на усиление сложности их внутреннего мира, расширение сферы их значимых объектов и ценностей, осознание ими связей между значимыми объектами и явлениями.

Это является базой для возникновения возможности активного творческого преобразования своих жизни и мира, что особенно значимо в кризисные жизненные периоды.

На основе полученных данных можно сделать следующие *выводы*:

1. В 16–17 лет жизненные миры юношей и девушек по своим характеристикам практически не различаются, а в возрасте 18–22 лет различия касаются как внутренней, так и внешней составляющих жизненного пространства.
2. Отличия жизненного мира девушек 16–17-ти и 18–22 лет выражаются в восприятии мира как более трудного в ранней молодости, что отражается в более низком уровне переживаемого благополучия, а также в дистанцировании от людей, верящих в будущее.
3. Отличия жизненного мира юношей 16–17-ти и 18–22 лет проявляются в более простом внутреннем мире юношей старшей возрастной группы; при этом внешний жизненный мир мало различается.

Ограничения выводов состоят в том, что выборка исследования включала молодежь, проживающую в городской среде региона, отдаленного от центра России, что определяет перспективы дальнейшего исследования: проверку полученных результатов в других регионах и населенных пунктах разного типа.

Литература

- Арендасук, И. В. (2018). Ценностно-смысловые характеристики социальной активности молодежи в зависимости от форм ее проявления. *Известия Саратовского ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика*, 18(4), 425–432. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-425-432>
- Боряз, В. Н. (1973). *Молодежь: методологические проблемы исследования*. Ленинград: Наука; Ленингр. отд-ние.
- Василюк, Ф. Е. (1984). *Психология переживания*. Москва: Изд-во Моск. ун-та.
- Василюк, Ф. Е. (2003). *Методологический анализ в психологии*. Москва: МГППУ; Смысл.
- Васюра, С. А. и Коробейникова, Я. П. (2014). Стратегии совладания юношей и девушек студенческого возраста в связи с уровнем их коммуникативной активности. *Казанский педагогический журнал*, 1, 123–131.
- Грязева-Добшинская, В. Г. и Мальцева, А. С. (2016). «Типология личностного выбора жизненного пути»: описание методики и результаты психометрической проверки. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология»*, 9(2), 14–21. <https://doi.org/10.14529/psy160202>
- Демидова, И. Ф. (2012). Возрастная динамика содержания разных типов жизненного мира. *Современные исследования социальных проблем*, 1–1, 177–180.
- Журавлев, А. Л. и Купрейченко, А. Б. (2012). *Социально-психологическое пространство личности*. Москва: Институт психологии РАН.
- Коломенская, В. В., Скляр, Н. А. и Коскина, Е. Н. (2015). Половые особенности жизненной стратегии современной молодежи. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки*, 2, 181–188.
- Кон, И. С. (1989). *Психология ранней юности*. Москва: Просвещение.
- Леонтьев, Д. А. (2019). Человек и жизненный мир: от онтологии к феноменологии. *Культурно-историческая психология*, 15(1), 25–34. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150103>
- Лодкин, А. Е. и Четверикова, Т. А. (2018). Проблема смысла жизни студенческой молодежи как субъекта социально-экономических и общественных трансформаций.

- Социально-политические науки*, 2, 299–302.
- Меньшикова, Л. В. и Левченко, Е. В. (2015). Психологические особенности жизненного мира студентов. *Сибирский педагогический журнал*, 4, 156–159.
- Осипчукова, Е. В. и Попова, Н. В. (2020). Видение молодежью своего будущего в аспекте субъективного благополучия. *Вестник педагогических инноваций*, 1, 59–68.
- Павловский, В. В. (2001). *Ювентология – проект интегративной науки о молодежи*. Москва: Академический проект.
- Сапогова, Е. Е. (2019). Субъективная онтология и жизненный мир личности. *Культурно-историческая психология*, 15(1), 35–45. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150104>
- Слободчиков, В. И. и Исаев, Е. И. (2000). *Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе*. Москва: Школьная пресса.
- Солдатова, Е. Л. (2007). *Нормативные кризисы развития личности взрослого человека* (докторская диссертация). Екатеринбург.
- Стефанова, Н. А. и Кругова, Ю. С. (2019). Образ жизни современной молодежи – угроза для пенсионной системы. *Азимут научных исследований: экономика и управление*, 8(2), 202–204. <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0802-0049>
- Фанталова, Е. Б. (2011). «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах»: психометрическое исследование показателей. *Методика. Мир психологии*, 2, 228–243.
- Шукова, Г. В. (2014). Особенности социально-психологического пространства молодых специалистов – практических психологов. *Психологические исследования*, 7(33). Доступ 06 февраля 2021, источник <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/938-shukova33.html>
- Яремчук, С. В. и Новгородова, Е. Ф. (2015). *Саморазвитие и субъективное благополучие современной молодежи*. Москва: Научно-издательский центр ИНФРА-М.
- Bengtsson, J. (2013). Guest editorial: Special edition on the lifeworld approach for empirical research in education – the Gothenburg tradition. *Indo-Pacific Journal of Phenomenology*, 13, 1–2. <https://doi.org/10.2989/IPJP.2013.13.2.2.1176>
- Carver, C. S., & Scheier, M. F. (1990). Origins and functions of positive and negative affect: A control-process view. *Psychological Review*, 97(1), 19–35. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.97.1.19>
- Eschenbeck, H., Kohlmann, C.-W., & Lohaus, A. (2007). Gender differences in coping strategies in children and adolescents. *Journal of Individual Differences*, 28, 18–26. <https://doi.org/10.1027/1614-0001.28.1.18>
- Gentry, L. A., Chung, J. J., Aung, N., Keller, S., Heinrich, K. M., & Maddock, J. E. (2007). Gender differences in stress and coping among adults living in Hawai'i. *Californian Journal of Health Promotion*, 5(2), 89–102. <https://doi.org/10.32398/cjhp.v5i2.1235>
- Gorichanaz, T., Latham, K. F., & Wood, E. (2018). Lifeworld as “unit of analysis”. *Journal of Documentation*, 74(4), 880–893. <https://doi.org/10.1108/JD-12-2017-0174>
- Hampel, P., & Petermann, F. (2005). Age and gender effects on coping in children and adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 34, 73–83. <https://doi.org/10.1007/s10964-005-3207-9>
- Kraus, B. (2015). The life we live and the life we experience: Introducing the epistemological difference between “lifeworld” (lebenswelt) and “life conditions” (lebenslage). *Social Work and Society*, 13(2).
- Michalos, A. C. (2017). *Development of quality of life theory and its instruments*. Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-51149-8>

Roecker, C. E., Dubow, E. F., & Donaldson, D. (1996). Cross-situational patterns in children's coping with observed interpersonal conflict. *Journal of Clinical Child Psychology*, 25(3), 288–299. https://doi.org/10.1207/s15374424jccp2503_5

Siriwardane-de Zoysa, R., & Hornidge, A.-K. (2016). Putting lifeworlds at sea: Studying meaning-making in marine research. *Frontiers in Marine Science*, 3. <https://doi.org/10.3389/fmars.2016.00197>

Дата получения рукописи: 18.10.2020

Дата окончания рецензирования: 02.03.2021

Дата принятия к публикации: 03.03.2021

Информация об авторах

Светлана Владимировна Яремчук – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация; Scopus Author ID: 56111955900, ResearcherID: A-3599-2017, SPIN-код: 1673-8024.

Анна Владимировна Бакина – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация; ResearcherID: AAI-1917-2020, SPIN-код: 7261-1748.

Снежана Михайловна Ситяева – кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация; ResearcherID: AAI-1883-2020, SPIN-код: 3673-9020.

Заявленный вклад авторов

Светлана Владимировна Яремчук – проведение исследования, анализ и интерпретация результатов, работа с источниками, написание обзорной части статьи, критический пересмотр содержания статьи.

Анна Владимировна Бакина – проведение исследования, анализ и интерпретация результатов, работа с источниками, написание обзорной части статьи, критический пересмотр содержания статьи.

Снежана Михайловна Ситяева – проведение исследования, анализ и интерпретация результатов, работа с источниками, написание обзорной части статьи, критический пересмотр содержания статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.